

ПОЛИТОЛОГИЯ / POLITICAL SCIENCE

МЕХАНИЗМЫ И ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ / GLOBALIZATION MECHANISMS AND FORMS

Серия «Политология. Религиоведение»
2010. № 1 (4). С. 9–16
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 323.17(51)

Функциональная реализация «нового регионализма» в политике глобальной регионализации КНР*

Е. К. Андреев

Читинский государственный университет, г. Чита

В статье дается определение и рассматривается функциональная реализация концепции «нового регионализма» как составной части политики «мирного возвышения». Освещается ее влияние на процесс глобальной регионализации КНР.

Ключевые слова: «новый регионализм», глобальная регионализация.

Глобализация заставляет регионализироваться экспансивно развивающийся Китай. Китайская концепция регионализма, в отличие от «азиатского регионализма», базируется на понятии «новый регионализм», подразумевая под этой дефиницией «глобализирующийся китайский регионализм». Глобализирующийся регионализм Китая уже идет различными путями. Один из них – формирование не имеющего четких границ «китайского региона» с доступом к его ведущим ресурсам и потенциалом, среди которых основными становятся оборонные, продовольственные, финансовые, информационные, людские потоки и возможности. Другой путь – формирование новых региональных образований с усилением ведущей региональной роли и влияния КНР – политического, военного, экономического, культурного и т. д.

В основе интеграционных усилий Китая в рамках АТР лежит убеждение, что в долгосрочном плане подъем Азии является «неодолимой, императивной исторической тенденцией». Именно в этом контексте китайские политологи теоретически обосновывают необходимость продвижения Пекином концепции «азиатского регионализма» и разработки китайской концепции «нового регионализма». Так, заведующий кафедрой исследований проблем Юго-Восточной Азии Китайского института современных международных отношений Чжай Кунь утверждает, что стратегия «азиатского регионализма» в первую очередь нуждается в освобождении от традиций идеологии, свойственной системе старого типа «сюзерен–данник», и внедрения идеологии ази-

* В рамках госконтракта № 02.740.11.0363 / In terms of the state contract № 02.740.11.0363.

атского согласия, связанной с системой национальных государств, чтобы общая цивилизация будущей Азии служила орудием внутрирегионального сплочения и вместе с тем была своего рода противоядием, предотвращающим слепую нетерпимость и неприятие «открытости» [1].

Функциональная реализация «нового регионализма» предусматривает следующее:

1) под влиянием «нового регионализма» резко возрастает социальная интеграция стран в «китайском регионе». Взаимодействие саморазвивающихся обществ и экономик протекает очень активно. Это «неофициальная интеграция», или «мягкий регионализм»;

2) развитие «нового регионализма» способствует формированию и становлению регионального сознания и региональной идентичности. Особенно в Восточной Азии, где пробуждается сознание принадлежности к «китайскому региону»;

3) региональное сотрудничество, определяемое межправительственными документами, расширило содержание «нового регионализма» и определило его особенности. «Сотрудничество» – ключевая категория и теории «нового регионализма», т. е. «китайского регионализма»;

4) «новый регионализм» способствует интеграции стран региона АТР [2].

Противоречия глоболизирующегося развития КНР способна разрешать только путем «втягивания» в «китайский регион» новых стран и их потенциалов, формирования пространственно раздельной сетевой системы регионального производства и обменов. Страны и регионы при этом становятся второстепенными, ресурсообеспечивающими участниками этого воспроизводства, обмена, потребления и конкуренции за китайские капиталы – материальные, финансовые, социальные, культурно-ценностные и т. д. [2].

Реализация китайской концепции «нового регионализма» направлена на создание условий для мирного обретения Пекином собственной сферы влияния. В основе взглядов нового поколения руководства КНР во главе с Ху Цзиньтао на военно-политическую стратегию КНР, обеспечивающую реализацию концепции «нового регионализма», лежат принципы «выхода Китая за свои границы» и «мирного возвышения». Тезис об усилении и возвышении Китая как долговременной стратегии развития появился в выступлениях китайских руководителей и ведущих аналитиков в 2003 г. как антитеза постулатам «о китайской угрозе» и «крахе Китая» и впервые был озвучен на высоком государственном уровне во время визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в США и в одном из выступлений Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, который заявил: «Китай будет твердо придерживаться курса мирного возвышения, курса самостоятельности и независимой внешней политики» [5].

Китай понимает, что без повышения степени региональной интегрированности он неизбежно проиграет в глобализации, которая проходит на формально равных условиях, но при фактическом неравенстве сил. Поэтому если до XVI съезда КПК (2002 г.) лидеры КНР больше внимания уделяли вопросам формирования благожелательного окружения страны (с тем, чтобы обес-

печить ее модернизацию), то в ноябре 2003 г. Вэнь Цзябао выступил на форуме АТЭС с речью, озаглавленной «Встретим вызовы, используем шансы, добьемся общего выигрыша», прямо заявил о необходимости «мирного возвышения Китая» в качестве глобального азиатского лидера. Центральной идеей выступления была идея совместного процветания для стран Азии. Из этого следует, что стимулирование регионального сотрудничества в Азии и достижение подъема этого региона стали содержанием и целью военно-политической стратегии «мирного возвышения» КНР [3].

Уже сейчас просматриваются векторы стратегии «выхода Китая за свои границы» и «мирного возвышения»:

- активизация деятельности в основных международных институтах, членом которых Китай уже является (ООН, ВТО и т. д.), выстраивание диалога с важнейшими мировыми структурами (G 7/8, ЕС, АСЕМ);
- наращивание активности на региональных направлениях: в Юго-Восточной Азии, Северо-Восточной Азии, Центральной Азии, Африке, Латинской Америке;
- обеспечение мира и добрососедства с соседними государствами, прежде всего, за счет экономического сотрудничества и перенос окончательного решения спорных вопросов на средне- и долгосрочную перспективу;
- стремление уменьшить отставание по стратегическому «потенциалу агрессивности» от США за счет наращивания ядерного военного компонента и строительства временных ВМС и ВВС, создания современных видов вооружений, самостоятельного развития программы освоения космоса, выхода на современные мировые научно-технические параметры, в том числе и за счет массивного импорта ноу-хау.

В основе современной стратегии поведения КНР на региональной арене лежат руководящие идеи, сформулированные Дэн Сяопином в начале 90-х гг. прошлого столетия и известные как «стратегия 24 иероглифов»: «Спокойно наблюдать; защищать свою позицию; невозмутимо решать проблемы; скрывать свои реальные возможности и выжидать подходящее время; сохранять сдержанность; никогда не заявлять о своих правах на главенствующую роль». Позднее была добавлена фраза «делать определенный вклад».

Целью военно-политической стратегии КНР является формирование к середине XXI в. новой, паназиатской, общности и становление в качестве второй глобальной сверхдержавы мира с иными, чем США, цивилизационными характеристиками. Осуществляемая Китаем трансформация региональной системы отношений позволяет решить несколько промежуточных задач на пути к достижению основной цели. Это:

- признание ведущей роли Пекина в АТР, выражающейся в форме неформальных, но фактически обязательных консультаций с ним перед принятием другими странами региона важных внешнеполитических решений;
- безусловное признание региональным и мировым сообществом территориальной целостности Китая (Тайвань, Тибет, Синьцзян);
- достижение преобладающего влияния в ЮВА;

- международное признание «особых прав» КНР в акватории Южно-Китайского моря;
- фактическое признание «особых отношений» между КНР и Монголией;
- достижение «особого положения» в Центральной Азии – поддержка азиатскими государствами китайских позиций в спорах с США и другими западными государствами;
- отказ других стран от участия в антикитайских коалициях и от военного противостояния Китаю;
- проведение другими странами торгово-инвестиционной политики, дружественной Китаю;
- готовность других стран принимать китайских иммигрантов;
- закрепление «особых прав» китайских меньшинств за рубежом и признание права Пекина на их защиту;
- продвижение использования китайского языка в Азии, достижение двуязычия в зарубежных районах компактного проживания этнических китайцев [3].

Идея мирового усиления и возвышения Китая «*хэтин цзюэчи*» возникла не спонтанно, она формируется на фоне исторически сложившихся китаецентрических воззрений, а в последнее время, все больше на фоне бурного экономического роста совокупной мощи КНР, высоких темпов развития, углубления и расширения масштабов политики реформ и открытости. Концепция возвышения Китая – это развитие идеи возрождения страны и лозунговое проявление роста национального самосознания, национальной самоидентичности, национальной гордости полуторамиллиардного китайского социума. Идея мирного усиления и возвышения Китая отражает интересы абсолютного большинства китайского населения. Она способна мобилизовать патриотические чувства самых широких слоев китайского этноса, как на материке, так и на Тайване и среди китайской диаспоры, в «формате всемирной китайской “ойкумень”» [5].

Китай – единственное в мире государство, создавшее великую цивилизационную геополитику, основанную на философии Великого китайского порядка. Китай на протяжении многих веков стремится к сохранению единых границ государства и цивилизации, сочетанию избирательной открытости к внешнему миру с защитой китайских традиций и менталитета от внешних воздействий. Китайский регионализм невозможно рассматривать без учета аксиологического фактора, который по своей сути является исторически выработанным естественным механизмом защиты государства от негативного влияния глобализации. Идеино-философским обоснованием мирного возвышения, а вместе с тем и «нового регионализма» КНР выступает идеология конфуцианского гуманизма, терпимости, сотрудничества, традиционного миролюбия и идея построения гармоничного общества благоденствия («сяокан»). Широкое распространение получил конфуцианский тезис о «единении без унификации» (*хэ эр бу тун*) [4]. В Китае особо подчеркивается толерантность конфуцианства, его синкретическая направленность, его оптимальное совмещение с требованиями межцивилизационной и межрелигиозной гармо-

нии. В данном контексте конфуцианство и идеологема *хэ эр бу тун*, выступающие в качестве ценностных компонент «нового регионализма», представляют собой китайский ответ концепциям толерантности и мультикультурализма европейской модели регионализма.

Китайская культура и поныне функционирует в качестве механизма поддержания интравертной и центростремительной ориентации своих носителей, а по сути цементирующей и интегративной. Китайские ценности не только сплачивают проживающих в Китае ханьцев, но и побуждают китайцев, проживающих за рубежом, оставаться частью глобального китайского социума [3]. Десятки миллионов китайских мигрантов, проживающих в Малайзии (6,2 млн), Таиланде (6,6 млн), Сингапуре (2,4 млн), Индонезии (5,6 млн), Вьетнаме (2,46 млн) и т. д., входят в интеграционную геосферу КНР. Уже сейчас 76 % населения государств ЮВА признают Китай не только в качестве своего «лучшего друга», но и защитника «азиатского образа жизни» [4].

Препятствием на пути формирования «азиатской идентичности» является национализм, поэтому азиатский регион должен найти баланс между консервативным патриотизмом и азиатской интеграцией, на что и нацелен «новый регионализм» КНР, использующий экономические, политические, культурные рычаги с целью порождения необходимого импульса для нивелирования национализма и выхода на путь устойчивого развития и интеграции.

Концепция возвышения Китая имеет серьезные предпосылки в исторической памяти народа. Прежде всего, это тот факт, что Китай является носителем древнейшей (более 5 тыс. лет) современной цивилизации, внесшей огромный вклад в сокровищницу мировой культуры. Во-вторых, Китай является державой с самым многочисленным в мире населением, значительной территорией и богатыми природными ресурсами. История Китая свидетельствует о том, что в глубокой древности Китай, наряду с Грецией, Римом и Византией, арабским миром и Индией, являлся одним из крупнейших и древнейших центров мировой цивилизации. История Китая насчитывает много периодов, когда Поднебесная в течение ряда столетий была крупнейшей и влиятельнейшей в азиатском регионе державой.

Самой опасной тенденцией для самого Китая является то, что воспитание патриотических чувств и укрепление национального самосознания китайского народа в рамках концепции усиления и возвеличивания страны не породили бы вновь, как во времена позднего Мао Цзэдуна, самодовольства китаецентризма, гегемонизма, ксенофобии и великодержавного шовинизма. Это может нанести огромный ущерб Китаю на международной арене и в его взаимоотношениях с другими странами.

Китайской дипломатии придется прилагать серьезные усилия к тому, чтобы освоить методологию и практику перехода от защиты только сугубо собственных национальных интересов к методологии и практике баланса интересов, взаимного учета интересов других. Важными позитивными аспектами выдвигаемой концепции мирного возвышения Китая являются, во-первых, его мирный характер, во-вторых, то, что усиление Китая происходит в кон-

тексте сотрудничества со всеми странами и, в-третьих, политика открытости и сотрудничества.

Мирный подъем Китая сталкивается и с рядом внутренних проблем, которые могут негативно повлиять на взаимоотношения с другими, главным образом, соседними государствами, а в частности, с Россией. Эти проблемы связаны с преодолением трех видов фундаментальных угроз, возникших в условиях глобализации.

Первая угроза касается невиданного роста ресурсопотребления, прежде всего энергоресурсов. Колоссальный рост потребностей Китая в энергоресурсах привел к стремительному росту цен на нефть и к перемещению центра потребления этих ресурсов в Азию, в Китай. Таким образом, вопрос обеспечения энергоресурсами становится коренным вопросом обеспечения планов мирового подъема и развития Китая.

Вторая угроза связана с той огромной ценой, которую приходится платить Китаю за ускоренное развитие, прежде всего в сфере экологии. Быстрыми темпами происходит угрожающее жизни людей загрязнение окружающей среды и общее ухудшение состояния всей экосистемы. Китай находится на одном из первых мест по уровню загрязнения окружающей среды, что несет в себе реальную экологическую угрозу всему мировому сообществу и отдельным его субъектам.

Устойчивое развитие Китая требует принципиальных изменений в подходах к методам потребления энергии, введения ресурсосберегающей системы экономического развития, трудной и огромной воспитательной работы среди населения в духе норм экологической этики.

Третья группа угроз порождается серьезным дисбалансом, возникшим между экономическим и социальным развитием. Прежний акцент на экономический рост привел к серьезным разрывам в социальном развитии Китая, породил глубокую имущественную дифференциацию между богатыми и бедными, превысившую все допустимые международные критерии, увеличение разрыва между городом и деревней, между индустриальным и аграрным секторами экономики, между быстроразвивающимися приморскими районами и внутренними районами страны, объективно превратившимися в своеобразные квазиколонии, откуда выкачиваются природные, человеческие ресурсы и интеллектуальный капитал [5].

Организация современного мира представляет собой сложную разветвленную структуру, в которой КНР как один из центров силы занимает позицию региональной подсистемы, стремящейся к расширению региональной сферы влияния и выдвигению в перспективе на роль глобального лидера с собственной сферой влияния (Рах Sinica). Предполагается создание зоны «Большого Китая», объединяющей в себе материковую часть страны с Гонконгом и Макао, а в перспективе – с Тайванем (который должен присоединиться к нему к 2020 г.). «Большой Китай», в свою очередь, станет плацдармом для появления еще большего образования – «Большого Китая-2» (или «великой китайской зоны жизненных интересов»). В эту геосферу войдут десятки миллионов китайских мигрантов, проживающих в Малайзии (6,2 млн),

Таиланде (6,6 млн), Сингапуре (2,4 млн), Индонезии (5,6 млн). Вьетнаме (2,46 млн) и т. д. Уже сейчас хуацяо, составляя всего 10 % численности населения региона, владеют 70 % его экономического богатства. Формирование паназиатской (континентальной) зоны влияния «Большой Китай-2» будет происходить, по возможности, мирным путем. КНР будет стремиться к урегулированию возникающих и имеющихся конфликтов. Здесь берется в расчет так называемый «генетический код империи», согласно которому ни один китайский правитель в прошлом не стремился к расширению своего государства за счет земель, населенных «варварами», военными методами. Поэтому вхождение других стран АТР (прежде всего ЮВА) в геосферу влияния Пекина будет происходить за счет ненасильственного расширения ареала китайской цивилизации, а не путем военной экспансии, на что и делается акцент в политике «мирного возвышения». КНР, становясь ведущей державой региона, не будет выступать по отношению к другим государствам с позиции силы, подобно США. Однако она не откажется и от преимуществ своего положения, позволяющего уже сейчас готовить «Датун» – «Великое Единение» народов [2]. Таким образом, «новый регионализм», оформленный в мирном возвышении КНР, является комплексной геополитической концепцией и системой мер, направленных на структурное переустройство регионального и мирового геополитико-экономического ландшафта.

1. *Чжай Кунь*. 1991–2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 31–33.

2. *Абрамова Н. А.* Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире. Чита, 2006. № 1. С. 75–82.

3. *Канчуков С. А., Абрамов В. А.* КНР в интернационализованных локально-региональных конфликтах : учеб. пособие. Чита : ЧитГУ, 2007. С. 69–73.

4. *Кузык Б. Н., Титаренко М. Л.* Китай–Россия 2050: стратегия соразвития. М. : ИДВ РАН, 2006. С. 394–433.

5. *Кучинская Т. Н.* О китайском регионализме в контексте глобального стратегического партнерства России и Китая // Трансграничье в изменяющемся мире. Чита, 2006. № 1. С. 58.

1. *Zhan Kun*. 1991–2020: the economical growth in China and multilateral relations development between China and ASEAN // Far East Region Problems. 2005. № 5. P. 31–33.

2. *Abramova N. A.* «New regionalism» theory in the Chinese scientists` research // Transborder regions in the changing world. Chita, 2006. N 1. P. 75–82.

3. *Kanchukov S. A., Abramov V. A.* PRC within the internationalized local-regional conflicts: textbook. Chita : Chita State University, 2007. P. 69–73.

4. *Kuzik B. N., Titarenko M. L.* China–Russia 2050: co-development strategy. M. : IDV RAS (Russian Academy of Sciences), 2006. P. 394–433.

5. *Kuchinskaya T. N.* About Chinese regionalism in the context of the global partnership between China and Russia // Transborder regions in the changing world. Chita, 2006. N 1. P. 58.

«New Regionalism» Functional Implementation in the PRC Global Regionalisation Policy

E. K. Andreev

Chita State University, Chita

A «new regionalism» definition is given in the article. Likewise its functional implementation within the PRC «peaceful rise» policy is considered. Furthermore its influence on the process of China global regionalization is regarded.

Key words: «new regionalism», global regionalization.

*Андреев Евгений Константинович –
атташе Представительства МИДа РФ
в г. Чите; аспирант кафедры востоко-
ведения Читинского государственного
университета, e-mail:
forevgeni@yahoo.com*

*Andreev Evgueniy Konstantinovich – Rep-
resentation of the Ministry of Foreign Af-
fairs of Russia in Chita, attaché, the Chita
State University, postgraduate student of
the Oriental Studies Department, e-mail:
forevgeni@yahoo.com*